

(98)

1

Kiebr. 19⁴/₄ 19 4.11.1919

N. Meemahr.

Дневникъ мисли.

2

4
17

Никола
Октябрь 1919.

4(17). 10. 1919

Сдѣлать такой опятъ! Записывать все мысли. Трудно?
Конечно, трудно. Все не запишешь! Нетъ никуда, что не хо-
тѣтъ идти изъ души. Заставить себя? Посмотрѣть.

Богъ не слышитъ насъ? Значитъ, его нѣтъ? А мы въ 96 су-
ществуемъ — и не слышимъ все таки, когда къ намъ взова-
ютъ, даже когда впадаютъ близкіе люди, которымъ Богу
хотѣли и могли помочь. Пусть каждый исполнитъ свое про-
шье. Не фарисеи и святые считали себя самыми убогими
и въ людяхъ. И мы еще обличаемъ, что Богъ насъ не слышитъ!

Никогда такъ упорно, напряженно и непрерывно не рабо-
тала мысль, какъ въ эти ужасные кровавые дни. И никогда
такъ безплодно. Отчего? Такъ надо? Такъ глупо должно?

Senilia. Вспоминается прошлое и вѣчно или терзаются
такъ же ~~свои~~ угрызѣнія старости. Ужасаются что и буди
въ мировой экономіи эти терзанія? Ни огня ~~отъ~~ на-
терія не исчезаетъ и энергія — физическая — такъ зоботливо
охраняется. А тебѣ вѣдѣніи терзаніе, хотя бы и въ накопленіи
цѣлѣ горь, обреченна на безслѣдное исчезновеніе. Одинокій че-
ловѣкъ одиноко живетъ, одиноко умираетъ и даже, если онъ
добьется бытъ свои мысли, все равно не имѣетъ ни-
чего охранять самое существованіе.

[illegible]

и индивидуальности и общего и частного, и а posteriori и a priori
Зависит от познания и истины. Проблемы природы
всех universalia и истины все вечно. Но, как же
они вечно? Уже если не поместить во время существования
расширения, куда-то и что. Но в нашем мире, где про-
странство и время, универсалии по своему бытию отключены
от антропоцентризма, а не являются признаком — некое предопре-
деленное существо. Не только, "та" форма, "этот" человек
и т.д., эта точка зрения куда то повелевает и скоро исчезнет —
исчезнет, эта форма, когда и и человек, и человек
и человек и человек и не только и не только будет время, когда
и будет. Тогда это, если бы не было бытия и не
было бытия, то не было бытия и не было бытия
бытия. Материя и энергия в этом смысле не являются
бытия не только понятием, но и идеальным бытием, ^{и идея} ~~идея~~
считать бытие существующим предикатом бытия ^{идея} ~~идея~~
то необходимо и приложить к материальному. Проблематичность
получится такая: на первом этапе бытия т.е. энергии и материи, ^{материальное т.е.}
второй этап — продолжительность — идеальное, на третьем — бытие
материальное существующее, продолжительность которой не имеет границ,
материальное и, в будущем, идеальное и действительное. Вечность
точно всегда одинакова: материя всегда материя, энергия всегда энер-
гия. Очень проблематичное то, что всегда почти одинаково: материя и
энергия, форма — форма, форма — форма, форма — форма. И все это бытие

[illegible]

на это. А за греческой — и христианской философией. И действительно
учение
и средневековая философия полагают, что нужно не вопрос, а от-
вет. Ответ ясен и понятлив. И, в самом деле, нужно
было бы. Но такováя нѣтъ. Значитъ? Можно спросить въ виду, что
если нѣтъ, то стало быть и не нужно? Или это въ виду незна-
нства? У кого спросить, закопать или не закопать? У разума? Но у
него въ запасе аргументы уже давно истощены, а кроме разума
и спрашивать некого. Истинно? Но истинно не разоблачива-
етъ, а только беретъ, куда полагается верить. Мало, ^{конечно} ~~второй~~ и
будетъ — что нибудь насъ куда нибудь доведетъ; а, когда придетъ,
будетъ, можетъ быть цивилизация, какъ это мы уже теперь
сеемъ въ бурю заблуждений: ~~еще~~ ex post facto, въ виду все капиталь-
нѣе, а также и понятнее.

Ж. 19.
X

Прошло два дня. Все то же. Все то же, нигде не приводится
и мысли.

Духовный блага! Вотъ задача: изобразить жизнь человека,
предпринятого верить, кроме духовныхъ благъ. Или хотѣя бы при-
ближенно перечислить если не все, то главное, наиболее
существенные блага. Вотъ эти сполнники и другие твор-
ники — какая бага или жизнь, что они держатся. Конечно,
нельзя принимать въ расчетъ или надежда на будущее
жизнь. Нужно и нѣтъ въ виду только настоящая духовная
блага, т. е. имманентныя: здоровье, богатство, счастье, спо-
койно, — все это ничто. Эти души не касаются. Должно быть лучше,
нѣтъ, то лучше. Мало — окова, теснина души. Это

[illegible]

Чинить жизнь согласно со природою, руководствуясь только разумом
 разумом. Это, по моему мнению, и есть сущность жизни. И
 правда — если разум у кого либо пользуется совершенной ав-
 тономией и быть ничто не ограничивает самодержавия, то
 только у человека. Платон, во всем отношении, иудаизм
 религиозный и боготочный. Виз же доказывает призрачность реал-
 ного мира, но порвать с ним не может и не умеет. Но зато
 или или же предостерегает — он же ^{возвращается} к тому миру, из которого
 по его собственным словам, надо было бы уйти, только ^{также}
~~возвращается~~. Сами, во ^{притом} ~~мне~~ о писании, говорят, что знание о
 мире реальном не интересно, и все таки оказывается основате-
 лем положительного знания. Притом же в том, что по-
 ти и кость от кости Платона. Но только человек в самом
 своем презирает все, кроме добродетели. И добродетель соот-
 ветственно понимали пророки и поныне все, как пророки
 и мирские блаженны. То, они олицетворяли то, что так
 прекрасно говорили и мечтали Платон. Или возмуща видны,
 отбрасывая, и оставаясь свободными. Почему? Отвернувшись от
 себя или, по русски, боготочности и положительности не добива-
 ют убогого телесного. Сократ разум и Платон, и Аристотель
 не. Но убого одного отца ставили вратами — не на жизнь, а на смерть.
 Как в Библии — Аристотель отлучен от отца своего...
 Ногами не надо видеть и думать. Или никому нечего и думать
 видеть. Никто не прав, а почему? И Платон, прикро-

5'
мнѣ Сократъ, суровѣе великаго грѣшника, а Аристотель опасенъ,
начиная? Но, неужели тогда все монашество, которое было
во многомъ такъ близко къ цѣлѣ, тогда грѣшно считать
порождениемъ грѣшника? И потерю дѣла правъ, когда,
вспомнивши, о гонимыхъ и въ отомщеніи и во мудрости, побужде-
ніи и благоуміи утверждаются, что они отъ Бога были вѣнчаны
и промѣло Communi: ecce, Deus, tibi vixit impietatem et blas-
phemiam per totam meam vitam? Имъ же грѣшникъ, тѣмъ грѣшнѣе?
Время не течетъ: безконечномъ прошломъ неужели не про-
изойдетъ будущее и скоро оно увеличится количествомъ, — благодаря
вѣнчанію въ загробномъ мнѣ. Sub specie aeternitatis — моральное
нечто. Но sub specie temporis? Тогда поговоримъ, а кому не ту-
жится, тѣмъ и отъ вѣнчанія и отъ грѣшности — a posteriori, или a priori,
или тѣмъ, который будетъ и a posteriori и a priori опре-
дѣленъ

Молитвы въ старости.

Вспомнить нечего ^{8/17}

Не надо ироніи — надо труда. Не надо иакога — оу, ничего не даешь.
Не надо спокойствія — оно естественное. Это же надо? И вопросъ
надо ли, и отъ чего — грѣшности. Стало быть не писать. Это
возможно. Но не думать — иакога. Особенно, теперь, когда ^{Вспомнить} нечего.
Вольтеръ иакога возмощивъ возмощивъ свой ^{свѣтъ} ~~свѣтъ~~
тѣмъ же порокомъ: физическій трудъ самъ себя оправдываетъ — но,
на него спросишь тѣмъ же, конечно, и тѣмъ физическій трудъ, и тѣмъ
роль тѣмъ же предложитъ собраннымъ маленькимъ грѣшникамъ, во осо-
бѣности, большіе. Вольтеръ. Даже Молитвы, и ранимъ и тѣмъ
приучивши себя къ физическому труду, никогда не бѣжитъ

Эволюция, постепенное развитие — слова, имеющие магическую силу
 надъ нами. Было время, когда только атеиста кружились в про-
 странствах, но постепенно, в течение многих миллионов летъ, докружи-
 лись и до обывка, и до пещерного человека и до всей способности обра-
 зования и культуры и личной жизни. Такие обывки кажутся намъ
 совершенно понятными. Почему? Побуждению, парочко не привучае-
 нием пещеры. Любой лишь, при всей его парадоксальности правдо-
 подобности эволюционной теории. Но намъ заворотило слово «пеще-
 рный» и издрже биллонъ протекших летъ и намъ кажется, что буд-
 то бы мы получили какое то объяснение. Самое главное, чтобы не было
 антропоморфизма. Слово антропоморфизмъ — это единственно
 слово, какой употребляли первобытные люди, да и еще самый востор-
 жный. На что бы, кроме антропоморфизма, человек не могъ франца-
 зий умирать вожделенно и счастливо. Тамъ же меня, тѣ
 когда в слуху уверенной тоны эволюциониста эволюционной те-
 рии, в всегда вспоминаю Королевского покривания. И тогда отст-
 аются и даже эволюциониста, тѣ же биллоны на-
 поминаетъ первобытный человекъ, который училъ первъ, пока не
 дошелъ до бѣды. И на дошлины еще, видны, дошлины. Хотѣ-
 лось бы и своимъ голосомъ закричать caveant consules, и все
 міръ закричать. Но и голоса такого нетъ, да и училъ, готовилъ
 такое училъ, тѣ же нетъ. Добавить же въ эпоху по- и теперь,
 когда насъ блуждаютъ вои, люди совсемъ потеряли челове-

6
тесный облик — никто ни о чем, кроме злобы духа, не думает и не говорит. Стало быть и надрываться против надобности. Ну ясно только самому прислушиваться и вникать в себя. Эволюция такова не оптический обман, коим и твердое небо. Но обман, по крайней мере, в котором смысл божества пропал. Зато, напр. вовсе не так созданы, что люди сначала молчали, бегали, лезли, лезли — пока не дошли до того, чтобы разговаривать звуками, словами, понятиями, предложениями и т. д. Эволюция только начинается в исторический период творческого изобретения. В доисторический и постисторический периоды никакая эволюция не была. Бог сначала создал мир во всем его огромном устройстве и организации: и небо и землю, и моря, и животных и человека, способного все таки что-нибудь сделать своим колом — а потом предоставил ему соборные силы. Творение получило отчасти некое собственное развитие, а что больше того, только сам в своем развитии слагался. Из животного же ни в библическом, ни в трилистном, ни в плагиатном и т. д. смысле до не варов и не то, что творения, но даже червиль и не полны. В начале божества и атомов, и даже не слово, а что-то что познание творения, познание, только всякий атом, всякое слово и всякий разум.

Современный протест!

Ке угадывается небный. Наваль берет свое. Ну ясно сгладит ушлит — но сейчас это невозможно. Обществу, который не забудет, —

если не забудется: когда вернется винушка свобода — вернется
ли она когда нибудь, или впереди катастрофа? — Вот то да то
ни стало сдвигать chairs. Прорываться сквозь палки ко гробу —
отбитаемость поваря порадка. Приткнуты, замолганы, обеспокоены
аварюти замолганы, не разрознять себе даже той безвзвешной
беспокой души со собой, которая считается идеальным раппортом —
лететь. Только слушать и изгнать, и ничего ни ваять, ни про себя
не говорить. Не исключаясь беспокой души со собой, а полное вину
репное монтальничество. ... Но, конечно, оно не поможет.
Придет утро, слободы надежда и увидит безразличность,
и опять начнется безвзвешная беспокой души со собой... Когда
он взовет, и не слышать, теперь, когда я взовет. Он не
слышит. De profundis ad te, Domine, clamor, clamor, clamor
во... и опять взовет справедливости: Он не слышит меня
и не услышит. А я только обо всем думаю и в ушах
пришлось, что это все не потому, Он не слышит, что
я когда-то ^{его} услышал, а потому что, воле и разуме Бога
того все различие от воли и разума человека и только
поскольку одинаковы слова, что и о Боге Бога
невозможно говорить, а только о сверхъестественном. Божие естественное
человечье — так у нас великие мудрецы и Аполлон и Дио-
нисий Веронаиты, Бог внутри нас, в нашей готовности
ты не знаешь, не разговариваешь, ты проклинаешь — а только
понимаешь... Жалко убого, греховности, вина — только боже
бо предъ нами винушка и каюты. Маме? Или юродство —
предпочитающая глупость истрепанную расклевку. Вот маме

гордость. Не в литературе, не в мнании и в высказании сообра-
живаюсь, и в действительности не пропущу, не на выси ан-
гел, а человек — боится горды до конца? Дева есть — и что еще
в последнюю минуту, не перед друзьями, а перед собой для гордости?
Вспоминаю исторических героев — но не знаю что о них было.
Знаю только, что они говорили. А говорили, впрочем, тоже по на-
ваку, то, что слышны приехали...

9/2 и 10/х

Деятели ничего не писали. Далеко показало, что нужно пре-
кратить древние — слишком они изучаются и все таки не
извлекается ^{исходя} того, что раньше не извлекалось. Могут и в самом
деле не такое теперь время, тогда писали. Еще больше дитя, и не
не все можно извлечь из того, что слышны. Если так, то тогда
слова, что должно быть в глубине, что в глубине слова. Но не
случайно не могу так же учиться, что в из внутреннюю жизнь
не дано абсолютно никому заглянуть. Внутренней жизни близ-
кого мы только замечаем по видимым внешним призна-
кам, как излучает. Непосредственно не постичь даже самое в-
нутреннее переживание другого человека нам не дано. Почему?
Либо внутреннее переживание даже самого простого человека, говоря,
было так, что не природа или так же было обречено, либо
они так же не могли, тогда и не стоит открывать кому бы то ни было
слова, не могли — вспоминаю. Номина, а тогда и что бы
ἐν τῇ ψυχῇ τοῦ τοῦ καὶ τοῦ γενοῦ — по той стороне чужа и познания. И
они обречены или обречены себе так же, как и в том. В том, в том, что
они одно: тогда и тогда. Да, в конце концов, что тогда?

Итак мы миллиарды лет своего существования на свете — полагая
в течение Гиббсовских дней, месяцев или годов мы почти нич
„всезнание“? Вряд ли среди таких неопределенных, как и поэзия.
Сказано, и упомянутой имени Лотоса все. Значит, не спрашивая
личного, держимся Золотой середины, оправданной человеческими
потомств и — главное — будущим ко всему. Мы, опять не торже-
ствуем отвлеченно, ибо ищущий ответ и ко всему готов,
а только к той-то и, вторично, к той-то, что не
будет.

12/4

Если мысль, которая вот уже почти полтора — с начала
войны — неистинно преломляется, верна, если мы только
присутствуем при новом восточном столкновении — то,
что грозит? Спорить с огромными силами — как в
восточном заблуждении того, кого Бог хочет видеть в без-
умии? Попробовать напористость Бога — неслыханно. Но вот дру-
гое: оторваться на безумие и самому не безумствовать, не
заранее себя обидеть настроением, тогда, может быть, откры-
ется новый путь, новая путя. И, может, не столько споря, сколько
и как-то иная грань, иная форма внутренних состояний и
настроений должна быть ответом на все происходящее.
Вряд, если можно изменить азовую, если можно изменить
азовую, пошленье ^оБоготы, а не „естественно“, как думают
обоживши, равновесия и условия существования, тогда
и задачи другие. Тогда главное в возбуждении и Богу, ко-
торая мы забыли. Тогда, значит, нужно думать только

о Боге⁸¹ и все остальное припокинуть. Но крайний мирок на
которомъ ничего такъ направитъ себя. Остальное будутъ
боротись, спорить, ожестотятся, и не видятъ — до какой степени
срока...

Даже, когда забавася на минуту о происходящемъ стоиномъ
ворении и вѣдающемъ свободно, тѣмъ бы надъ тобою и миромъ и
баль занесенъ крошечный перы — кажется, что разрываемъ в себѣ
преступную роскошь. Еще во снѣ можно забаваться, но, пока-
луй, скоро и во снѣ будешь чувствовать явь и повторять ее
и бесновать: а никогда не сню, а только притворяюсь, что сплю
Вѣрно, это давно бы случилось — если бы физическія силы не
ослабѣвали. Но, вѣдь, природа подъ конецъ уже не считываетъ
свои организмы. Обезобразила явь, обезобразитъ и сонъ. Все
разрушитъ — только сохранить себя и свою волю, не
тѣлную, равнодушную красоту

Благополучіе, чуждость — иногда, непонятная оразомъ
превращается въ преемство и являетъ чуждому глубоко
несчастію и тѣмъ. При полной безопасности чуждому
испытываетъ безпримечательныя страхи, аглаице его мнѣ и
вспоминанію. И наоборотъ, иногда въ самыхъ отбрасывающихъ
напрямую условия, особенно, какъ у аскетовъ — при уси-
вленіи парогитъ созданныхъ — при холоду, голоду, тѣлесномъ тру-
дѣ, изощреніи измученной чужды откровенно въ себя какъ
тѣ несчастья снѣ. И миръ кажется ему призракомъ, и
всему ему радуется, ничего не боится. Огни и огни развѣтываютъ
отъ ^{видимости} тѣлесности, другіе надлаиваются; одни и, и убого
и убого благополучію, другіе отъ благополучія тѣлѣтѣ.

9. June 15/21.

Многу не писатъ: въхаетъ въ Кромъ. Мелушки, Вавилонъ
на полу въ Харьговъ, потомъ въ Ростовъ, потомъ на паролу,
потомъ въ Дмитръ. Сейчасъ събъ комната, събъ вробатъ.
Но по предвѣдѣнью - приадастисъ не сѣтъ, а мелкия сабожанъ
о коушнотъ мѣтъ дѣлъ алоушнѣтъ дѣлъ. Мѣтъ нѣтъ и
пропадетъ въра въ мѣтъ. Кизѣ угадѣ нѣтъ, нѣтъ крѣ
сказѣ нѣтъ. И все кажетсѣ такъ нѣтъ, бѣснѣтъ
кѣтъ Кругомъ зѣмляниѣ нѣтъ, разграбѣнѣ, нѣтъ
Спроса нѣтъ ни на что, вробъ крѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Сѣ
нѣтъ нѣтъ главоушнѣтъ нѣтъ, но нѣтъ нѣтъ.
Врѣтъ, нѣтъ нѣтъ, въ отѣтъ; нѣтъ нѣтъ нѣтъ.
нѣтъ и нѣтъ сѣтъ дѣлъ нѣтъ сѣтъ.
Разсѣтъ нѣтъ и бѣснѣтъ, нѣтъ нѣтъ нѣтъ
ни бѣтъ. Бѣтъ Россѣ нѣтъ и развѣтъ. Все нѣтъ
нѣтъ нѣтъ. На нѣтъ нѣтъ и бѣтъ. А въ
нѣтъ? Нѣтъ въ нѣтъ - нѣтъ нѣтъ въ Россѣ,
нѣтъ, нѣтъ околѣтъ нѣтъ, но и на нѣтъ нѣтъ
нѣтъ нѣтъ въ нѣтъ. А нѣтъ нѣтъ и Россѣ - нѣтъ
нѣтъ. ... Вѣтъ нѣтъ нѣтъ въ нѣтъ нѣтъ, но нѣтъ
нѣтъ обнѣтъ нѣтъ. Все нѣтъ нѣтъ и нѣтъ
нѣтъ. Нѣтъ нѣтъ, нѣтъ нѣтъ. Когда
нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ въ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
нѣтъ нѣтъ нѣтъ, нѣтъ нѣтъ, нѣтъ нѣтъ
нѣтъ нѣтъ - нѣтъ нѣтъ, нѣтъ нѣтъ нѣтъ,
нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
А нѣтъ - нѣтъ нѣтъ, нѣтъ нѣтъ, нѣтъ нѣтъ нѣтъ

тавленію истинѣ слушаю. Выходитъ, что черезъ грѣ-
шатъ ни историкъ, ни философъ. Но, пройдя въ родѣ
двѣдцать лѣтъ, почувствую болѣе, въ банану-
ченномъ морѣ успокоится, живя свирѣтѣмъ разрыва,
развала и безапелляюща выйдутъ въ мѣсто, и
теорія снова вернетъ свои права. Историкъ и
философъ основаны въ, происходящее. И кто будетъ
правъ? А кто и будущіе историки? Признано
привалии будутъ конечно историкъ. Но, въ правду
ближе ит. И, можетъ думать, наша правда бу-
детъ правдой въ specie aeternitatis, кому, ко-
нечно, все насъ будутъ упрямѣ въ субъектив-
ности

16/2 г. XI

Клотице укажетъ, что философъ нѣкогда не говорилъ
болѣе, даже ибѣмъ отечества. Если бы онъ
жилъ не въ III столѣтіи въ Римѣ, а въ конце
времени въ оупомъ изъ русскаго города - повто-
рилъ бы ли онъ свои слова? И, можетъ, нѣкогда-то
философу все всегда приплетать и нѣкогда
не болѣе? Или лучше, точно ли Клотице нѣкогда
не болѣе? Можетъ быть, сими комъ болѣе и
потому такъ часто повторять о безстрашии?

18/21

Идеи. Много есть идей, очень много. И идеи бываютъ
или тотальны быть самоцелью. Такъ ищутъ философы,

особенно значимая. Кант, который утверждает, что те-
ловья никогда не может быть средством, а всегда — по-
чтено, очевидно такими утверждениями просил вави-
традиционной философии. Если вдова никто не кричал
и даже не замечал, то лишь потому, что, в обиду
мировоззрения Канта все же шло по привычной, ста-
рой колеи. Т.е. примать отдавался идею и даже само
утверждение Канта было только идеей и целью, а не
лишь как идея. На пути же целью все таки, по Ан-
сигмандру, как отчужденное существо, подождал и
заслуживать и бели, а бессмертной оставалась идея.
Оттуда и постулаты Канта. Идеи дотопили
если их постулируют, или бытия и неуживо.
Далее платоновские идеи в конце концов только
постулаты.

22/11.

Наука, искусство, философия, религия — люди все это создали
для того, чтобы. Как бы справляясь с теми или иными
нуждами и страданиями трудностями, и оторвав вступают
на их тисненном пути. Как продолжать безмолвную
существование, справляясь с тем. И отбывает Наука.
Как отбывает? Он. патается откратить невидимую
закон бытия и затем же доверит! эти законы — бытие, са-
мое главное, единственно реальное. Они вьются и немыслимы.
Поклонись им, поставь им под себя и подь вьми, кто
таково-же, как и ты — и бытие трудности исчезнут сами
с собой. В том же поре, как существует наука, она во всем
или менее открытой или откратной форме именно

10
такъ отвѣчала на такіе вопросы. Иначе говоря, она ос-
паривала самое право задавать ихъ. Кто стучится
трудностями жизни, тотъ еще пребываетъ въ младен-
чествѣ или въ первоначальномъ состояніи. Искusstво
въ этомъ отношеніи признаетъ противуположность на-
укъ. Давнее дѣло. Мнѣнье Гюгеса лирической поэзіи и
трагедій. Когда, чтобы взять первое появившееся при-
мѣръ, Мюссе восклицаетъ съ удивленіемъ: о вот дѣло, роит-
ся въ точкѣ, или, когда Гюгес съ такимъ же удивленіемъ
говоритъ о проклятыхъ вопросахъ, когда Шекспира на-
зываетъ мизантропомъ въ чуждѣмъ кругу, или дайте
разрѣшить: *ad eternum dolore et perditione gentis* и т. д. —
очевидно, эти разсужденія о вѣчномъ и неизмѣнномъ
порядкѣ не могутъ найти отклика въ ихъ душахъ.
Сколько бы наука не открывала законовъ, провозгла-
шаетъ все еще отступая проклятіями. Дайте пона-
блюдать, наоборотъ — въ нихъ прочнее и незоборимѣе за-
коновъ, мнѣнье на протяжении (мучительное становится
убѣжденіемъ) проклятіи отъ земнаго существа вѣчны. Роит-
ся можно покориться законамъ? Въздѣ законъ
тертвенъ — тертвенъ же прежде и послѣ всего живаго
существова. И если кто хочет властвовать надъ другими,
тѣ не чуждыны законамъ, а законъ чуждѣ ихъ. Кто
такъ неетъ отъ этого. Въ общественной жизни за-
коны создаются для чуждаго, даже судьба,

11
Какъ сказано въ писаніи для человека. Но наука
этого не признаетъ. Идеаль ученаго человека свести
всѣ качественныя различія въ количественномъ. Этого
не было не только биологическа, нравственна, интеллектуальна,
надежда, любви, восторговъ — этого не было даже въ чуж-
ебства, теплоты, а только то что было движениемъ, ко-
торое можетъ быть вразумительно изложено сими же
формулами. ^{цифрами} И если да, наконецъ, наука удаётся изба-
вить отъ ~~всѣхъ~~ ^{всѣхъ} остатковъ, которые до сих поръ
не влились въ формулу, она да празднуетъ
свою окончательную победу. Почему? Зачемъ? Какъ
случилось, что наука создала себѣ такой идеаль?
Откуда ^{у насъ съ вами} ~~такой~~ ^{непримиримая} вражда ко всему
одушевленному? ~~Почему~~ Развѣ это уже такая аксиома
что одушевленное преступно или лишастъ отъ се-
бя ^{ней} ~~какую~~ истину? Нѣтъ, это не аксиома. Но въ разѣ что
наука, постулируя преступность одушевленного, цѣлкомъ
липогого добиваясь. Я готовъ даже признать, что цѣлкомъ
и самая возможность той науки, которая сейчасъ
считается единственно совершеннымъ знаніемъ, тѣмъ
неймѣнѣе образомъ связана съ этими постулатами.
Всѣ счеты, всѣ расчеты, самая возможность сведенія
всѣхъ качествъ въ количеству убивается, если допустить
автономность одушевленного начала. Но какъ
человекъ живое существо, онъ можетъ нарушить
всякій законъ. И, конечно, тѣмъ болѣе можетъ от-

11
назавъсь благоговѣнъ предъ нимъ. Съ чего въ са-
момъ благоговѣнъ предъ закономъ тѣхъ тѣхъ? При-
мо пропорціональна массѣ, обратнѣ пропорціо-
нальна кубическимъ разстояніямъ. Можетъ быть да,
лучше, если бы въ первой половинѣ было, обратнѣ,
во второй, прямо. Или не притягиваются, а оттал-
киваются. И еще лучше, если бы иногда притягива-
лись, иногда отталкивались и не по развѣ соведе-
нному правилу, а согласно нѣкоторымъ ~~и~~ ^и обстоя-
тельствамъ, какъ та еубота, которая, признавъ,
что она для человека, етуже еволяется сама по себѣ
или по вѣтхому ~~тѣхъ~~ ^{тѣхъ} закону судить живыхъ
и мертвыхъ, развѣ въ ней нѣтъ нѣкотораго или развѣ
мѣщающаго серьезному дѣлу. Наука о ~~тѣхъ~~ ^{тѣхъ} и
сильнѣе не можетъ. Ей необходимо, чтобы принци-
пы были всеобъемлющи и не допускали ровно ни-
какихъ исключеній. И въ ~~тѣхъ~~ ^{тѣхъ} никогда еще ни одно-
му, ученому не удалось доказать, что исключеній
нѣтъ. Всеобъемлющихъ принциповъ не бываетъ и
не было. Въ сущности эти только постулаты и
мо все время вертятся въ законодательномъ кру-
тѣ: чтобы была наука, нѣтъ постулатъ всеоб-
ъемлющихъ принциповъ, чтобы была постулатъ,
нѣтъ такова наука, какъ та, которая сейчасъ

12
ответить в Европе. И тогда Лессе, Дамье, Мен-
силье или Гейне начинают свои вопросы, или от-
вечают, что только спрашивать бесполезно, что только
только только спрашивать, чтобы получить от-
веты в виде математической формулы. О воп-
росе, почему (а может быть и нет) вопрос. Ибо за-
чем спрашивать — да не захотеть, очевидно. А вот
что такое спрашивать, т.е. что делается с организмом,
т.е. когда он не может стоять и терпеть,
на то физиология, патология, анатомия во всем, очень
обстоятельно ответить. Наука сознательно игно-
рирует это, поставив перед собой проблему,
либо наука — либо искусство. И вот, казалось бы,
что задача философии поставить и разрешить
спор между наукой и искусством. Философия
ведь поистине слово. Она только может и может
власть судить о живом и мертвом. Но, со древних
ах и в настоящее время — все, что быто в философии
было учеными, людьми науки. И что же старее стало
было человечество, тем же научные дела и филосо-
фия. Там же философия, востановив в роде
судьи, и вела судьи в собственном деле. И
в ней можно сказать то же, что о науке. Она должна
живого и одушевленного и потому всегда имеет принци-
пы, начала. И ее идеал — математика, все то же число,
которое своей законченностью и упорядоченностью

[illegible]

всего, что угодно. О разуме и воле Бога можно
свернуть только у себя. Существа со своим бы-
тием или приемом и откровенностью ума и воли
puncti: intellectus et voluntas, qui Dei essentiam con-
stituerent a nostro intellectu et voluntate toto coelo
differre deberent nec in ulla re praeterquam in no-
mine convenire possent. Между Богом и человеком
как нигде другого узла как между камнем и звездой
и камнем animal latrans. У человека это Бог и его пра-
вильность и об. А у животного даже предикаты бытия
оспариваются у Бога. Бог по той стороне бытия и
не бытия. Может быть, все это так. Но много ли
не было бы, если бы Бог имел право на предикаты
бытия и, если бы его разум и воля, ^{как у человека} не только по
имени, но и по существу были бы «подобны» челове-
ческому разуму и человеческой воле. Знаю, что тот
«взгляд» неуместен, как ответ науки. Но сейчас
устало — о другом не думается. И потому все же позво-
лю себе написать самую порочную вещь. Иной раз из взгляда
может родиться великая истина. Гример издека
мечет тея анта — ^{всего того} ~~и не да~~ было только взглядом.
А сколько великих начинаний в нем евангелие

12/XII

Другие занятия — гневные вопросы на мольбах
потти. Есть трудная обстановка, которая все же
не мешает думать. И болячки, и колоты, и колоты

15
все прижимается к исканиям. Но влечет нас озабочен-
ность - она убивает и морит. А сейчас все люди разра-
чиваются на нервные грехи.

13/IV. 1919

Вспомнить, что кинематографисты, и не только так
обнажают материальные мучения, что и привели его
в гармонию, устроит лагу в голову и косо чинит
Все, что и чинит - это ein bisschen singen und ein bisschen le-
ben.

4 февраля 20
20
Менча

Докажи. Думаю, что когда дойдет до Менчи,
можно будет сказать: вот отсюда же была и была же
то было. Откуда мексиканская работа и кинематограф
никакой возможности думать о том, что. Хотелось бы писать
о той же стране, а лучше писать писем, писем без конца

11/IV. 20

Вот этот год и по-прежнему обаятельный и интересный - как
"распадение связи времени" или, вернее, исполнителем - ранней
ослеpio, в начале сентября. В начале, что не важно:
самая красивая работа и не в том, что не в том, что не в том,
лучше не знает - только забавляется.

Война и мир - IV том IV тома: Перл, Кристиан
и Менча, устроит все, все было разрушено, пролетело

14
не беззастенчивого, но могущественного и всеразрушительного. Меньше ли
невероятности случилось в России?